

Кристина Орбакайте:

«Трудно схожусь и трудно расхожусь»

Дочь Пугачевой — кому-то и этой славы хватило бы на всю жизнь. Потрясающий кинодебют в двенадцать лет с призом за лучшую женскую роль (приз, правда, нашел ее три года спустя). Казалось бы: снимайся не хочу — до сих пор предлагают по три сценария в неделю. Она отказалась. Потом — несколько вполне удачных видеоклипов. Бросила петь. Чем закончились эти метания — если закончились чем-то? Мне интересно, где и что она сейчас делает. Вот почему я беседую с Кристиной Орбакайте, а вовсе не потому, что ее мама якобы отказалась дать интервью «Собеседнику» и мы решили отыгаться на младшей из пугачевского клана.

Монолог № 1

— Ни на чем не могу остановиться. То есть понимаю, конечно: рано или поздно надо будет чего-то там думать, в институт поступать, определяться... Пока я делаю, что хочу. Сейчас танцую в «Рецитале» — мне и репетиции нравятся, и выход на сцену сам по себе. Для таких, как я, сцена — лучшее средство «разжаться». Я раньше вообще очень стеснялась людей, мне и сейчас не так с ними просто. А сцены никогда не боялась. Это весело как-то, азартно, я первый раз вышла туда в два года. Мама тогда ездила с цыганами, с оркестром Лундстрема — меня куда-то было деть, возили с собой в сумке... И вот надо было выпустить как-то после концерта ребенка на предмет вручения цветов Лундстрему. Поклониться залу, потом ему и, значит, красиво уйти. В качестве такого ребенка выпускают меня. Я вышла, без комплексов повернулась к залу задом, решительно сунула букет и потопала... Дебют, стало быть. А настоящий дебют уже был по ТВ, в передаче «Веселые нотки». Я там пела — пискляво так! — песню Ханка: «Со-о-олнышко смеется, ярко светит детям». Неужели не слышал? Что ты, это был шлягер...

Ну вот. С семи лет жила у бабушки в Кузьминках. Детство совершенно монашеское: хор, потом балетная школа, язык, музыка... Мне иногда все эти занятия хотелось бросить, пожить по-человечески, но отговаривала сама себя. Ведь сама придумала, меня никто не заставлял. Хочу танцевать! — пожалуйста, если пройдешь в балетную школу. Прошла. Два года оттанцевала, потом поняла, что великой балерины не выйдет из меня, и никто особенно не разубеждал. У меня характер прибалтийский, тамошние родственники мне так и говорят: «Ты совсем наша, что в тебе русско-го?» Я упрямая и сдержанная довольно, но уж зато как сорвусь, так от души. Особенно частые срывы пошли после «Чучела». Я на девочку эту, Лену, совсем не похожа. И в школе была, как все, никто не спрашивал, чья я дочь, — золотая была школа, дружили, никакой травли «чучельной», конечно... И даже с ребятами, которые по фильму должны были меня так доводить, — идеальные отношения, мы так «отрывались» на съемках в Калинин, что после нашего месячного пребывания гостиницу на год поставили на капремонт. То, что мы все это сыграли, — целиком заслуга Быкова. Ему фильм инфаркта стоил.

Вот тогда стала я уже что-то понимать. Как раз на переходный возраст у меня пришлось «Чучело», потому что переходный возраст, по-моему, это лет 11–13, не позже. Пошли обсуждения, письма — я только тогда начала просекать, о чем получилась картина. Мы привыкли, что если коллектив думает так-то, а ты — так-то, то прав коллектив. А на самом деле, если ВСЕ против одного, если есть травля — из-за чего бы она ни была, — то в любом случае не правы ВСЕ. Даже если этот один чем-то провинился — хуже травли, стаи, стада придумать ничего нельзя... Но «Чучело» — это было очень давно, в другой жизни, кажется. А в девятом классе я к маме переехала. Бабушка умерла, стали мы с мамой жить. У нас с ней никогда конфликтов не было, она понимает меня всегда и доверяет полностью. Дома, конечно, шумно, людно, уроки иногда сделать не на чем и некогда, но весело — мне такая жизнь всегда нравилась...

— Кристина! На минуточку.

— Иду, иду.

Пинг-понг. Дубль 1

— Это такая репетиция у вас? Как ты еще держишься? Я за два часа стоять устал. — Это не репетиция (не запылавшись и не вынимая жвачки изо рта) — это разминка. — А почему вы здесь репетируете? — А где же еще? У Театра песни тут репетиционная база. Есть же пока только контора, здание когда еще будет. — Сколько ты получаешь? — У нас оплата поквартальная. От двадцати до пятидесяти рублей за вечер. Повезет — так и сто, если летом стадион дадут. Постоянной ставки нет. — Почему ты больше не снималась?

КУЗЬМИНЫ

— После «Чучела» мне стали предлагать роли манек, сплошь одинаковых. — Каких манек? — Ну, таких девочек несчастных, с незадавшейся судьбой, с неудачами сплошными. Я актрисой никогда не хотела быть — там ведь раз на раз не приходится, обязательно после хорошего фильма повториться. Потом, как сговорились, стали предлагать роли трудных подростков, панков — не знаю, как это в женском роде будет... — Но ведь сейчас ты снимаешься? — Да, в кинопродолжении телевизионных «Гардемаринов». Тут я просто ухватилась за роль — другой такой может не быть. Екатерина II. Ее везут гардемарины из Германии в Россию, она еще ребенок совсем, но уже ясно, что это будет. Такое довольно властное дитя. — А ты? — Я — нет. С собой могу сделать все, что угодно, а другими командовать не умею. Мне, к счастью, и не приходится. — Как ты относишься к тому, что Аллу Пугачеву упрекают в вульгарности? — Никан не отношусь. Это странный упрек. На эстраде вульгарно только то, что непрофессионально. Петя под фонограмму — вульгарно. И потом, я куда чаще слышу вульгарные выступления политических лидеров, но там непрофессионализм менее заметен.

Монолог № 2

— Меня на сегодняшней эстраде пугает больше всего то, что пользуются успехом какие-то совершенно непрофессиональные, безвкусовые вещи, а профессионалы знают и ценят мало. Много зато дешевки. Я росла в очень демократической стране... извини, заговариваюсь, это сегодня лунное затмение действует. В очень демократической семье. И вот у нас не принято говорить: этого я обожаю, фанатею, этого — ненавижу. Надо

не фанатеть — просто наслушанный человек всегда отличит фальшивку. Чем меня потрясли заграничные фанаты? Тем, что они — не фанаты (в нашем понимании). Просто любят и знают определенного исполнителя и стиль (а не как у нас — набор из взаимоисключающих имен: Пугачева-Леонтьев-Кузьмин-Ротару-Толкунова!). Уровень артиста, видимо, определяется уровнем публики. Перед нами не скалтуришь, они и хлопают, допустим, на концертах того же Принса — заслуживаются: точно в такт, в ритм, а не по-нашему — лишь бы крикнуть «а-а-а-а-а-а-а» и потопать. А у нас — непонятно, всю дорогу крайности какие-то, и на концертах, и в политике не умеем мы так ровно и нормально жить, как «они». У нас если несвобода, так все: думать нельзя, висит «кирпич», и жизнь страны тупа и безысходна, как этот «кирпич». А уж если свобода, договариваются до таких «извратов», что под конец уши в трубочку сворачиваются. Или эта злость дикая оттого, что есть нечего? Я же тоже со всем этим соприкасаюсь, да еще как — в Волгограде на гастролях жили без горячей воды и душа, в провинции магазины — шаром покати, хотя нас и стараются как-то снабжать — мы же артисты, как это... радость несем... Мне только кажется, что прямой зависимости между животом и нравственностью, добром, злом — нет. Мы так страшно, с такой злостью, такой «чернухой» используем свою свободу только потому, что все время боимся: вот она кончится, так уж надо этот крошечный кусочек употребить на всю катушку! Если бы она НЕ МОГЛА кончиться! — потому что ведь настоящую внутреннюю свободу не запретишь. От нашей внутренней несвободы — вся и злость, все и беды, мы живем в системе стереотипов, в готовности к удару, нам каждый — потенциальный враг, а так ведь нельзя! — Кристина! Работать! — Бегу...

Пинг-понг. Дубль 2

— Ты верующая? — Католичка. Вообще я верю скорее в судьбу. То есть когда на какой-то момент оказываешься на волне славы — как со мной и бывало, — надо просто быть готовым к тому, что это пройдет, кончится. Надо знать, что судьба тебя вынесет, куда нужно, и не сопротивляться себе. В бога я верю, конечно. — Кто твой отец? — Сейчас клоун. Артист оригинального жанра. Мы не часто видимся, но все-таки... Кстати, от него у меня, наверное, и привычка всех как-то веселить, потешать, хотя я редко смеюсь сама. — Ты не устаешь от кочевой жизни? — Устаю, но мне хватает двух дней дома, чтобы опять куда-то потянуло. — Как ты относишься к эротике? — Искусство, конечно. Но мне интересней не эротика — мы как раз видим не лучшие ее образцы, — а реакция на нее наших людей. Вот тут театр. — Искусство, по-моему, может воспитывать кого-то? — Я могу только об эстраде говорить, наверное... Она не то чтобы должна воспитывать, она просто призвана среди нашей безнадёги давать какой-то мощный энергетический заряд. Об этом и маме, и Вовке в письмах часто пишу. — Кстати, ты замужем за Пресняковым? — Ох, батюшки... Нет и пока не собираюсь. Но не буду же я делать вид, что мы незнакомы. Так вот — эстрада должна заряжать. Теперь бедна людей инертных, вялых, им ничего не интересно, руки заранее опускаются — их и надо зарядить. Это к литературе тоже относится: прочла я «Мастера» в восьмом классе и поняла как следует только линию Иешуа и Пилата. Но в книге такая мощная энергетика, что это все в меня просто впечаталось, пока не стала понимать. — Как ты видишь свое будущее? — У нас примета: никогда не загадывать на будущее. Ничего не знаю — может, дома буду сидеть. Одно точно — работы от звонка до звонка у меня никогда не будет, это жуть: дом, работа, ужин, дом, работа, ужин...

Монолог № 3

— ...Кстати, таких людей ведь очень много. В нашем поколении — особенно. Они совершенно не знают, куда себя деть. А эта безысходка повседневная для них невозможна, они и колются, и мучаются по-всякому... У меня, конечно, больше было стартовых возможностей, больше шансов реализоваться, но если что-то в меньшей степени меня коснулось, это не значит, что я этого не чувствую. Из бед и проблем нашего поколения, кажется, ничто меня не обошло. Я таким людям всегда только сочувствую, я ведь и сама ни на чем не могу остановиться, но посоветовать тут можно только одно: разыскать, расчистить в себе то, что ты любишь и умеешь делать. И уж тогда — в лепешку расшибиться, чтобы делать это лучше всех. Нет людей, ни для чего не родившихся. Меня ничего не миновало. Я ведь живу в этой стране, в это время. Сидишь иной раз у телевизора — жуть берет, озноб: там взорвали, там бастуют, там убили... Такой страх за свой теплый угол, за своих людей — а посмотришь на них, и вроде легче как-то. Мы забыли, что, кроме политики, существует масса прекрасных вещей — свой кружок, семья, любовь, которая бывает дико сложная, но все равно — надо друг к другу притираться, потому что друг без друга еще хуже... Надо окружить себя какими-то самыми близкими, самыми милыми людьми — пусть их будет хоть трое, пятеро — и так жить, не валя на время, в своем доме, в своем поле...

Пинг-понг. Дубль 3

— Говорили, что мама однажды наехала на тебя при выезде из гаража в машине. — Конечно! Насмерть! Эти слухи каждый год возобновлялись. Откуда пошли — не доисследовать. — Кто должен быть главой семьи? — Я за равенство, но решать должен мужик. Он мыслит логически, а женщина эмоциональнее. — Любимое блюдо? — Ой, я сластена... — Вот уж не скажешь по тебе. — Нет, очень люблю пирожи всякие, домашние особенно. Это мое алиби. У нас знакомый был — он по-русски плохо разговаривал, путал «алиби» и «хобби», с тех пор привилось. — А хобби? — У меня, собственно, все хобби. Очень люблю тупо сидеть, уставившись в одну точку — устаю очень. — Чего ты не можешь простить? — Предательства. Пусть даже это предательство не чего-то глобального, а всегонавсего меня. Все равно уже не смогу общаться. Порядочных людей больше всего люблю. — Твои требования к другу? — Если мне человек с первого взгляда активно не нравится — будет лучшим другом. Проверено опытом. — Чего ты не любишь? — Ссориться с людьми. Трудно схожусь и трудно расхожусь. — Чего тебе не хватает? — Сейчас хватает, наверное, всего, а в детстве мамы не хватало. Она уезжает, а я канючу: ма-а-а-а, не уезжай!... Она: ну как же я все брошу? А я: а ты вот брось... А теперь наоборот: она — «Кристина, не уезжай!» А я: нет, мам, надо... — Какую книгу ты взяла бы с собой на необитаемый остров? — «Лечебное голодание». Если серьезно, то «Театр» Мозма — там все про нас. — Теперь пиши автограф. — Я напишу просто «Большой привет». — И рожичу улыбающуюся нарисуй. — Нет, рожича — это не мое. — А что твоё? — А вот эта метелка на голове, которую никак в божеский вид привести не удастся, — вот это мое.

Дмитрий Быков.